

11.98

в счд

Алексей Зернов
Иван Попов

Неверность

Жизненная московская история

(Фрагменты сценария)

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ. ДЕНЬ

Интерьер академии решен в большом советском стиле. Орнаменты из пулеметов, пушек и танков. Батальные картины Герасимова, Нечитайло, Самокиша и студии Грекова. Через окна солнечные лучи падают на начищенный паркет широкого коридора.

По коридору шагает генерал Кожемякин в сопровождении слушателей академии — старших офицерских чинов.

КОЖЕМЯКИН (с юморком). А третья-то, третья-то куда? А, Шерстюк?

Шерстюк, маленький толстый полковник, нервно, на ходу, промокает лысину платком.

ШЕРСТЮК. Я это, товарищ генерал-майор, думал туда же.

КОЖЕМЯКИН. Туда же. Три ядерные боеголовки на расширение пролива Босфор! Ну, хорошо, положим, одна ложится по левому берегу, другая по правому. А третья-то, третья-то куда вы собрались, это...

Слушатели-офицеры подобострастно хихикают. Полковник Шерстюк смущается до невозможности.

КОЖЕМЯКИН. Ладно. Давай зачетку.

Шерстюк с готовностью протягивает колесиковую книжку.

КОЖЕМЯКИН (расписываясь). Только из уважения к отцу. Как он там? Скрипит?

ШЕРСТЮК. Так точно, товарищ генерал-майор.

Кожемякин со слушателями спускается по широкой мраморной лестнице, подходят к вахте. В этот момент массивные дубовые двери с мощной бронзовой фурнитурой распахиваются и в сопровождении свиты и адъютантов в холл академии выплывает генерал-полковник. Часовой выгибается. Дежурный офицер вскакивает навстречу.

ЧАСОВОЙ. Смирна-а!

Все спускающиеся по лестнице, включая Кожемякина с зачеткой и Шерстюка с платком, застывают.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР (приложив ладонь к фуражке, парадно). Товарищ генерал-полковник! За время вашего отсутствия в Академии...

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (жестом прерывая доклад). Ответить. Волюно. (Увидев Кожемякина.) Ну что, Кожемякин, сессия закончена — забудьте?

Все с готовностью смеются. Кожемякин успешно подходит к генерал-полковнику.

КОЖЕМЯКИН. Так точно, товарищ генерал-полковник. Вот... (кивая на слушателей) последние пересдают.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (с притворной строгостью, любя). А-а, двоечники. В бою тоже будете пересдавать?

Слушатели изображают конфуз и анализ услышанной мудрости.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (Кожемякину). Но вообще-то у меня дело к тебе. Значит, мне звонили с телевидения. Из "Службы России". Есть там такая Жанна. Она там затеяла программу про армейские традиции. Ну и хотят, чтобы от Академии кто-то. Думано, тебя на этот участок...

КОЖЕМЯКИН. Слушаюсе, товарищ генерал-полковник.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК. Ты слушаешь, Петр Петрович, да помни. Про традиции — это они так, для белизну. А на самом деле про деловитину. Так что ты там держи нос по ветру. Ну, мол, деловитина это плохо. Однозначно. Но ведь существуют такие прекрасные понятия, как передача боевого опыта, армейских традиций, преемственность призывов, наконец. От старослужащих к молодому пополнению. Что ж дурного в том, что опытный солдат поправит, поучит, наставит. В таком вот разрезе. Все понял?

КОЖЕМЯКИН. Так точно, Сергей Кузьмич.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК. В общем, Жанна эта позвонит тебе. Бывай, Кожемякин.

Слушатели гурьбой провожают генерала Кожемякина до черной "Волги". Водитель, откинув сиденье и прикрыв глаза фуражкой, поспевает.

КОЖЕМЯКИН. Подъем! Дембель пропущен.

Водитель моментально просыпается, всем своим видом демонстрирует боеспособность.

ВОДИТЕЛЬ. Домой, Петр Петрович?

КОЖЕМЯКИН. Домой.

КВАРТИРА КОЖЕМЯКИНЫХ. ВЕЧЕР

На столе лежит толстая резиновая подкладка, разных размеров полшечки. Здесь же разложены инструменты — молоточки, ножницы, зубчатые колесики, кернеры и так

далее. Генерал Кожемякин, постоянно рассматривая на раскрытый альбом с репродукцией портрета Пушкина работы Кипренского, заканчивает очень красивую чеканку, этот портрет воспроизводящую. В кабинет заглядывает его дочь Нина. Она в фартуке и резиновых перчатках. В руках ножницы для резки ткани.

НИНА. Папа! Не спеши. Ты все равно не успеешь.

КОЖЕМЯКИН (не отрываясь от чеканки). Когда это мы не успевали. Я вот сейчас к вам с инспекцией приду.

Жена Кожемякина, Вера Семеновна потрошит вышивку. К ней подходит Нина.

НИНА (апологоса). Мам, а мам. Скажи папе, чтобы он им эту чеканку не дарил. Женщины родители, они, понимаешь...

ВЕРА СЕМЕНОВНА (апологоса). Я все понимаю, дочка. Не все так любит чеканку, как папа. Но ему это говорить нельзя. Представляешь, как он расстроится. А папа, извини, мне пока что это дороже, чем родители твоего Жени. С папой я прожила тридцать лет, а их сегодня увижу в первый раз.

Входит Кожемякин.

КОЖЕМЯКИН. О чем секретничаете?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. О родителях твоего будущего зятя.

Звонок телефона. Кожемякин берет трубку.

КОЖЕМЯКИН (в трубку). Квартира Кожемякиных. Да.

Выходит с загадочным видом в коридор.

ГОЛОС КОЖЕМЯКИНА (продолжает из коридора несколько громко). Я это он и есть. Здравствуйте, Жанночка. Да, конечно, в курсе. Не вижу, что поменяло бы нам. Всегда, всегда. Записываю. Вполне устроит.

Вера Семеновна и Нина удивленно-иронично переглядываются, улыбаются.

ГОЛОС КОЖЕМЯКИНА (продолжает). В штабдальше ноль-ноль. Есть. Жду.

С видом Казановы Кожемякин возвращается, кладет трубку.

НИНА (ириво). Папуля? Что это? Кто это?

КОЖЕМЯКИН (шутливо-непритворно). В назначенный час всем все станет ясно.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Я звонюлана. Товарищ генерал, можно ли просить пожарить сердеч помож в наших скромных домашних заботах?

КОЖЕМЯКИН. Где мой кипрский фартук?

Склонившись над столом, Кожемякин извлекает косточки из вишен.

КОЖЕМЯКИН. Интеллигентность, говорись, Ниночка. Интеллигентность. На сегодняшний вечер у меня разработан целый ряд тестов на интеллигентность. (Показывая пальцем на миску.) Хватит вишен? Нет? Ага. Первый тест. Сколько может выпить директор музея Пушкина?

НИНА. Ну, папа...

КОЖЕМЯКИН (подмигивая Вере Семеновне). А что папа?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Не Пушкина, а Гончаровых.

КОЖЕМЯКИН. Неважно. Пить до дна. Много, но часто. Хе-хе. Ну а потом карты, бег в мешках и перегибание каната. Пронравший кричит петухом на столе. Или под...

ВЕРА СЕМЕНОВНА (улыбаясь). Петя, прекрати.

НИНА (чуть не всхлиывая). Мама!

Звонит телефон.

НИНА (завистливо). Наверное, пап, это тебя. Опять какая-нибудь...

КОЖЕМЯКИН. Цыц. Молчать и снять трубку.

Нина снимает трубку.

НИНА. Квартира Кожемякиных. Жена? Выходит.

ГОЛОС НИНЫ (из коридора). Что? На мог бы еще полдня искать. Билеты нашего курса у Шубникова. Вы выходите? Женечка, учи, папа вызвал такси на двадцать три пятнадцать. Конечно. Сорок минут нам с головой.

Вера Семеновна подходит к работающему Кожемякину, тыкается головой ему в плечо.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Петя, а Петя, перестань психовать.

КОЖЕМЯКИН. А кто психует?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Ну, я же чувствую. Ну, рано или поздно это должно было произойти. Мальчик хороший.

КОЖЕМЯКИН (покорно). Хороший. Не надо ей было на филфак поступать.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Ну, конечно, ты бы предпочел, чтобы он учился в Рязанском десантном училище.

КОЖЕМЯКИН. Чем он после Университета будет заниматься? По-прежнему переводить пиратские видеокассеты?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Мам, а мам. Скажи папе, чтобы он за столом как-нибудь поосмотрелся.

КОЖЕМЯКИН (холодно). Что ты имеешь в виду?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. То видишь, как Нинка переживает. Ладно. Если честно, я гораздо больше волнуюсь за Яшу. Вдруг он заболел? Надо было все-таки отравить его к тете Свете. Он в последнее время сам не свой. Несчастный.

КОЖЕМЯКИН. Несчастный. Просто разбаловали его. (Выдавывая очередную косточку.) Ну, теперь-то вишен на взвод хватит.

Звонок в дверь. Семейство Кожемякиных выспавает в коридор. Переглядываются, решая кому открывать. Кожемякин отступает на заранее подготовленные позиции в кабинет. Вера Семеновна в последний раз поправляет прическу перед зеркалом. Нина открывает дверь.

На пороге с мокрыми сложенными зонтиками стоит Женя (с чемоданом) и его родители, Эдуард Дантонович Костыга и Алла Михайловна Костыга. Они проходят внутрь. Женя с Ниной несколько смущенно чмокаются.

ЖЕНЯ (кивая на чемодан). Кожемякина. Кожемякин. Не только выжили, но и через два месяца в приказном порядке были распределены между младшими командирами. И повез я эту чувствительную медсестричку обратно в село. А сам чувствую — все. Пропал. Жить без нее не могу. Ну и говорю: мол, офицерское слово — закон. Будьте моей женой. Ну, она замлялась, смутлилась. А я, чтоб разговор поддержать, спрашиваю: а как вас зовут? Она и говорит: Вера.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Петя, ты не устал эту историю переисказывать?

КОЖЕМЯКИН (неискренне). Что вы, что вы, нам очень интересно. Говорите, Петр Петрович.

КОЖЕМЯКИН. А что тут говорить? Вот с тех пор и живем. И ни разу о том дне не пожалели. (Шутя прижимая жену к себе.) Да, Вера? И вот чем старше я становлюсь, тем все чаще спрашиваю себя: что же нас так сильно связало, так сказать, сиементировало? Вот ты, как думаешь, Евгений?

Женя не готов. Он смотрит на Нишу, потом на лукаво улыбающегося Кожемякина.

ЖЕНЯ. Я? Ну... Любовь, наверное.

КОЖЕМЯКИН. Любовь. Ну, конечно, куда ж без любви. Но не только. Тогда, молодой человек, ценились такие качества, как взаимоподдержка в трудные минуты, а их было у-у-у...

Видно, что присутствующие опасаются пересчисления трудных минут.

КОЖЕМЯКИН (продолжает). Как чувство ответственности перед, так сказать, спутником жизни. Как верность, черт возьми. За верность!

Еще мгновение собравшиеся не верят, что тост завершен, потом радостно чокаются. Нина исподлобья глядит на отца и чуть смущенно — на Женю.

КОЖЕМЯКИН. За верность!

АЛЛА МИХАЙЛОВНА (сверхсветски). Замечательный тост.

Выпивают. Накладывают себе закусок. Кожемякин под испуганным взглядом Нины подливает Костыге водки, подмигивает Вере Семеновне.

КОЖЕМЯКИН. Веруша. Пора возвращаться с большим овалым блюдом, на котором, в окружении зелени и овощей лежит дымящаяся жаренная индейка с аппетитнейшей корочкой. Вера Семеновна улыбается, начинает резать индейку и раскладывать по тарелкам.

КОЖЕМЯКИН. Жареная индейка, фаршированная вишней под бешамелем! По рецепту мадам Молоховец.

КОЖЕМЯКИН. Пахнет восхитительно. А известно ли вам, уважаемый Петр Петрович, что никакой Елены Молоховец в природе не существовало?

КОЖЕМЯКИН. Как это?

КОЖЕМЯКИН. А вот так. Это замечательную книгу написал тверской генерал-губернатор. Это было его подлинной страстью, но, разумеется, он несколько стеснялся столь, э-э-э, дамского занятия. А потому, издав свой многолетний труд, укрывшись под псевдонимом "графина Молоховец". (Потирая руки.) Ну, с перейдем от теории к практике.

КОЖЕМЯКИН. На гузку никто не претендует? Вера, мне с гузкой.

Мохнатые котятские лапки обнимают ножку Аллы Михайловны. Алла Михайлов-

КОЖЕМЯКИН (продолжает). Лежит такая толстенная спанилиха, а у самой слезы из глаз. В общем, наш вернувшийся из Вьетнама комполка смотрит на это дело не мог. Давай, приказывает, Кожемякин, скачи в село, добудь ветеринара. Ну, лечу в село. А ветеринар — в стельку! Что делать? Нахожу в селе медпункт, а в нем — медсестричку. Хотя ты, говорю, поезжай. Она ни в какую. Падаю перед ней на колени. Женюсь, говорю, только поезжай. Ну, она заулыбалась — уговорил в общем. Еле-еле ушел. Ну а в полку и смех, и грех. Медсестричка ревет, спанилиха ревет, комполка в обмороке. Но справились медсестричка. Одинадцать пеня!

АЛЛА МИХАЙЛОВНА. Одинадцать? Ужас какой! И все выжили?

КОЖЕМЯКИН. Не только выжили, но и через два месяца в приказном порядке были распределены между младшими командирами. И повез я эту чувствительную медсестричку обратно в село. А сам чувствую — все. Пропал. Жить без нее не могу. Ну и говорю: мол, офицерское слово — закон. Будьте моей женой. Ну, она замлялась, смутлилась. А я, чтоб разговор поддержать, спрашиваю: а как вас зовут? Она и говорит: Вера.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Петя, ты не устал эту историю переисказывать?

КОЖЕМЯКИН (неискренне). Что вы, что вы, нам очень интересно. Говорите, Петр Петрович.

КОЖЕМЯКИН. А что тут говорить? Вот с тех пор и живем. И ни разу о том дне не пожалели. (Шутя прижимая жену к себе.) Да, Вера? И вот чем старше я становлюсь, тем все чаще спрашиваю себя: что же нас так сильно связало, так сказать, сиементировало? Вот ты, как думаешь, Евгений?

Женя не готов. Он смотрит на Нишу, потом на лукаво улыбающегося Кожемякина.

ЖЕНЯ. Я? Ну... Любовь, наверное.

КОЖЕМЯКИН. Любовь. Ну, конечно, куда ж без любви. Но не только. Тогда, молодой человек, ценились такие качества, как взаимоподдержка в трудные минуты, а их было у-у-у...

Видно, что присутствующие опасаются пересчисления трудных минут.

КОЖЕМЯКИН (продолжает). Как чувство ответственности перед, так сказать, спутником жизни. Как верность, черт возьми. За верность!

Еще мгновение собравшиеся не верят, что тост завершен, потом радостно чокаются. Нина исподлобья глядит на отца и чуть смущенно — на Женю.

КОЖЕМЯКИН. За верность!

АЛЛА МИХАЙЛОВНА (сверхсветски). Замечательный тост.

Выпивают. Накладывают себе закусок. Кожемякин под испуганным взглядом Нины подливает Костыге водки, подмигивает Вере Семеновне.

КОЖЕМЯКИН. Веруша. Пора возвращаться с большим овалым блюдом, на котором, в окружении зелени и овощей лежит дымящаяся жаренная индейка с аппетитнейшей корочкой. Вера Семеновна улыбается, начинает резать индейку и раскладывать по тарелкам.

КОЖЕМЯКИН. Жареная индейка, фаршированная вишней под бешамелем! По рецепту мадам Молоховец.

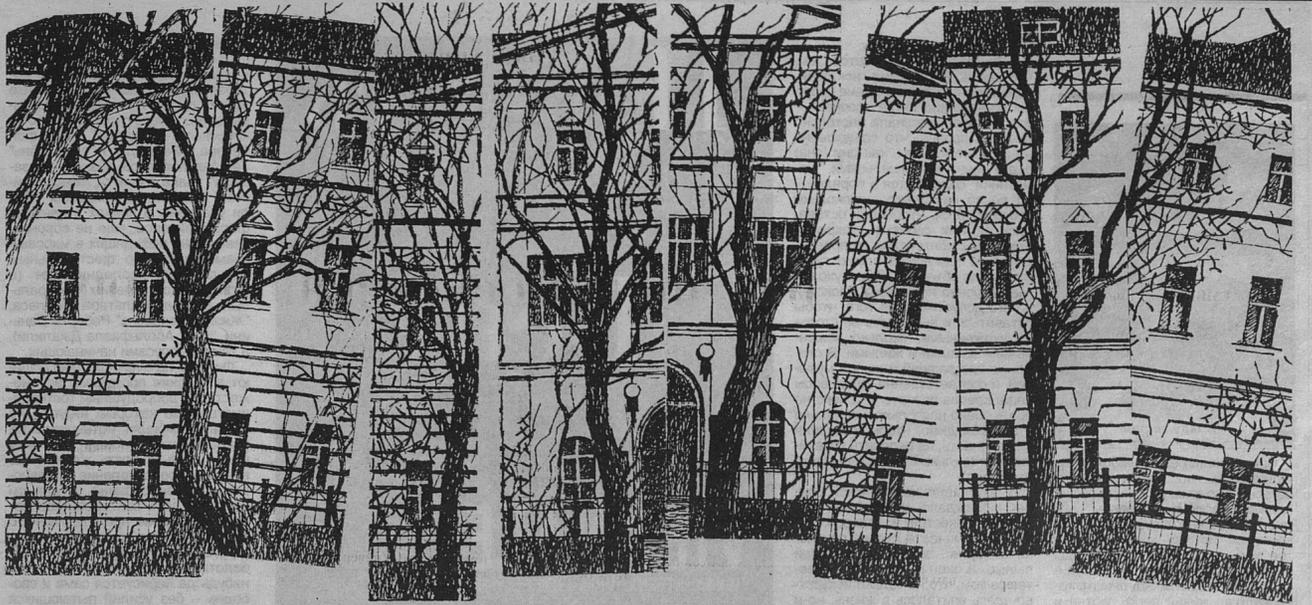
КОЖЕМЯКИН. Пахнет восхитительно. А известно ли вам, уважаемый Петр Петрович, что никакой Елены Молоховец в природе не существовало?

КОЖЕМЯКИН. Как это?

КОЖЕМЯКИН. А вот так. Это замечательную книгу написал тверской генерал-губернатор. Это было его подлинной страстью, но, разумеется, он несколько стеснялся столь, э-э-э, дамского занятия. А потому, издав свой многолетний труд, укрывшись под псевдонимом "графина Молоховец". (Потирая руки.) Ну, с перейдем от теории к практике.

КОЖЕМЯКИН. На гузку никто не претендует? Вера, мне с гузкой.

Мохнатые котятские лапки обнимают ножку Аллы Михайловны. Алла Михайлов-

на с улыбкой заглядывает под стол, близоруким прищуривается.

АЛЛА МИХАЙЛОВНА. Э-эй! Не хулиганить! Какая прелесть! Э-эй, не приставай! А можно ее покормить?

ВЕРА СЕМЕНОВНА (удивленно). Кого? **АЛЛА МИХАЙЛОВНА**. Собачку.

ВЕРА СЕМЕНОВНА. У нас нет никакой собачки.

Алла Михайловна визжит нечеловеческим голосом и моментально, как в обратном съемке, запирается на ступ.

Из-под стола выплывает большой жирный барсук и начинает, урча и похрюкивая от удовольствия, лапать разлизанные шампанское.

НИНА. Япа! Ох ты, горе наше!

Вскакивает, пытается оттащить барсук от шампанского. Вера Михайловна приходит на помощь дочери. Вдвоем им удается скрутить животное. Вера Семеновна берет его на руки, барсук обнимает ее, выгибает спину. Вера Семеновна начинает почесывать его. Барсук замирает в сладостной истоме. Кожемякин вскакивает, галганто протягивает продолговатый стояк на стуле Алле Михайловне руку.

КОЖЕМЯКИН. Прощу вас, Алла Михайловна. Простите, мы не думали, что он выберется. Собственно, он у нас недавно. И вообще он не наш. Знаете, что такое КЮБ?

ВЕРА СЕМЕНОВНА. Клуб Юных Биологов. При Тимирязевке. Это мой подпольный. Я забрала Яшу домой, чтобы лечь от алкоголизма. Он как почувствует спиртного дух — так все.

КОЖЕМЯКИН (протирая очки). Однако! А чем был вызван сей, э-э-э, феномен?

КОЖЕМЯКИН. Ну как чем? Дни-то Яша проводил с ребятами, а ночи — со старожками. А те, сволота, подливали ему от скуки напитки свои. Недорогие. Ну и приуныл бедного. Кстати. Между первой и второй...

АЭРОПОРТ "ДОМОДЕДОВО". ВЕЧЕР

На выходе из аэропорта толпа с зонтиками разделяется на несколько потоков. Кто к автобусной остановке, кто к такси, а небритый южанин в кожаной шляпе направляется к святающему окошку киоска с надписью "Справки — Информация". Из-за шума толпы не слышно, о чем он говорит с девушкой в окошке, но через некоторое время южанин расплывается и получает взамен листочек. Внимательно читает его, складывает вдвое и прячет в карман. Бегит к остановке, успевает запрыгнуть в ожидающий автобус.

КВАРТИРА КОЖЕМЯКИНЫХ. ВЕЧЕР

Играет медленная музыка. Три пары танцуют.

Костыги танцуют рядом со стоящей на столе чеканкой с Пушкиным. При этом Алла Михайловна курит длинную черную сигарету.

АЛЛА МИХАЙЛОВНА (шепотом). И куда ты теперь денешь этот шедевр?

КОЖЕМЯКИН (шепотом, легкомысленно). Подарю на конгрессе каким-нибудь зарубежным гостям.

АЛЛА МИХАЙЛОВНА (шепотом). Ничего подобного. Как только Нина и Женя вернутся из своей фольклорной экспедиции, мы должны будем устроить ответный прием. Неужели ты думаешь, что (косясь на танцующего Кожемякина) мон жераль не

КОЖЕМЯКИН. А разве Пушкин с Тургеневым дружили?

КОЖЕМЯКИН (с легким превосходством). Да нет, это же не наш великий писатель Иван Сергеевич Тургенев, а Александр Иванович Тургенев, друг Пушкина, замечательный историк и общественный деятель. Именно про него Пушкин написал: "Один лишь ты с глубокой ленью к трудам охоту сочел". Именно Александру Ивановичу Тургеневу было суждено проводить Пушкина в последний путь к Святогорскому монастырю.

КОЖЕМЯКИН. Ясно. А вы сами-то, Эдуард Дантонович, в армии, конечно, не...

КОЖЕМЯКИН (сухо). Отчего же, товарищ генерал. Я капитан запаса. Правда, срочную службу я действительно не проходил. Но была у нас в университете военная кафедра. И весьма серьезные военные сборы. Я однажды во время марш-броска, сутки, не снимая, тащил на себе станковый пулемет. А противником нашим были западники, с романого германского отделения. Во главе с одним брехтоведом. Так вот этого брехтоведа условно убитым притащили в лагерь на плацпалатке. А мне объявили благодарности перед строем.

КОЖЕМЯКИН (шутит). Ну, при таком запаса можно не беспокоиться за боеспособность нашей армии.

УЛИЦЫ МОСКВЫ. ВЕЧЕР

Дождь. Южанин быстро идет по улице, смотрит на номера домов. К нему подходит милиционер, отдает честь, что-то говорит.

Южанин лезет во внутренний карман пиджака, достает документ, протягивает милиционеру. Тот внимательно изучает их, сверяет внешность южанина с фотографиями, отдает документы обратно. Козыряет еще раз. Южанин находит нужный дом, подходит к подъезду. Дергает за ручку двери. Тихнет — домфон. Он прячется под козырек. Ждет. Наконец дверь подъезда распахивается, выбегает противная баба в прозрачном розовом плаще с собачкой и зонтиком. Собака поднимает носку, баба держит над ней зонтик. Южанин тем временем шмыгает в подъезд.

В поднимомся лифте он мрачно смотрит на себя в зеркало, вытирает рукавом мокрое смуглое лицо, достает из кармана фляжку коньяку, делает несколько больших глотков. Его небритый кадык мощно ходит вверх-вниз.

КВАРТИРА КОЖЕМЯКИНЫХ. ВЕЧЕР

Играет медленная музыка. Три пары танцуют.

Костыги танцуют рядом со стоящей на столе чеканкой с Пушкиным. При этом Алла Михайловна курит длинную черную сигарету.

АЛЛА МИХАЙЛОВНА (шепотом). И куда ты теперь денешь этот шедевр?

КОЖЕМЯКИН (шепотом, легкомысленно). Подарю на конгрессе каким-нибудь зарубежным гостям.

АЛ